
КНИГА ПЯТАЯ

1

Афинянин. Да внемлет всякий, кто ныне внимал сказанному о богах и любезных прародителях. Из всех достояний человека, вслед за богами, душа есть самое божественное, так как она ему всего ближе. Все, что принадлежит каждому человеку, двояко: одна часть высшая и лучшая—владычествующая, другая низшая и худшая—рабствующая. Владычествующую свою часть каждый должен предпочитать рабствующей. Поэтому я прав, требуя, чтобы каждый почитал свою душу; ведь, как я говорю, она занимает второе место после богов-владык и тех, кто за ними следует. А между тем, никто из нас, можно сказать, не почитает душу, как надо, но только по видимости. В самом деле, почет—божественное благо, а из зол ничто не заслуживает почета. Кто думает возвеличить душу какими-либо речами, дарами, уступками, но ничуть не старается сделать ее из худшей лучшею, тот почитает ее только по видимости, но не на самом деле. Всякий человек с самого детства считает себя в состоянии познавать все, думает, что похвалами он почитает свою душу и охотно позволяет ей делать, что угодно. Мы же теперь утверждаем, что, поступая так, человек ей вредит, а не почитает ее. Между тем, согласно нашему утверждению, она должна занимать второе место после богов. Точно так же, когда человек считает в каждом отдельном случае других людей, а не самого себя, виновником своих прегрешений и большинства величайших зол; когда он постоянно выгораживает себя, точно он не виновен, он только по видимости почитает свою душу, на деле же он далек от этого, ибо он ей с

вредит. И в том случае человек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя ее злом и раскаянием, когда он предается наслаждениям вопреки слову и одобрению законодателя. И наоборот, если он не выдержит до конца одобряемых законодателем трудов, страхов, болей и скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он не оказывает почета своей душе. Ибо, совершая все тому подобное, он ее бесчестит. То же самое

Д делает человек и тогда, когда считает жизнь вообще благом. Ибо если душа считает злом все находящееся в Аиде, то такой человек не может противостоять этой мысли, не может рассудить, что ведь он еще не знает, не есть ли, наоборот, то, что́ относится к тамошним богам, для нас величайшее благо из всех благ. Так же, когда кто предпочитает красоту добродетели, это не что иное, как подлинное и совершенное бесчестие

Е души. Ибо на основании подобного взгляда тело ложно считается более достойным почета, чем душа. Ничто земнородное не достойно большего почета, чем Олимпийское; тот, кто держится иного мнения о душе, не ведает, каким чудесным достоянием он пренебрегает. Так же, когда кто стремится добыть

728 себе имущество некрасивым путем, когда обладание таким имуществом не является для него тягостным, он не оказывает почета своей душе никакими дарами. Он ставит ее ниже всего, ибо за небольшое количество золота он продает то, что́ есть в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного. Ведь все золото на земле и под землею не равноценно добродетели. Коротко говоря, кто не захочет всяческими средствами воздерживаться от всего, что́ законодатель, перечислив, постановил считать позорным и дурным, кто, наоборот, не захочет всеми силами упражняться в том, что́ законодатель постановил считать хорошим и прекрасным, тот—кто бы он ни был—не ведает, что во

В всех этих случаях он в высшей степени бесчестно и безобразно обращается с самым божественным, со своею душою. Ведь, никто, так сказать, не принимает в расчет, так называемого, величайшего правосудия за злодеяние; состоит же это величайшее правосудие в уподоблении дурным по существу людям и в том, что, вследствие этого уподобления, человек начинает избегать хороших людей и их речей, откалывается от них и прилепляется к дурным людям, ищет их общества. Сроднившись с этими

людьми, он по необходимости должен совершать и терпеть то, что согласно с своей природой, совершают друг над другом и говорят подобные люди. Впрочем, это состояние не есть даже правосудие, ибо правосудие есть нечто прекрасное и справедливое; это есть возмездие, иными словами, страдание, сопутствующее несправедливости. Постигнет ли человека это возмездие, или нет, все равно он несчастен; в первом случае потому, что он неисцелим, во втором—потому, что он погибнет, чтобы спаслись многие другие. Говоря вообще, наша честь в том, чтобы следовать лучшему и усовершенствовать то худшее, что может еще стать лучшим.

2

У человека нет достояния более, чем душа, способного от природы избегать зла, разыскивать и находить высшее благо и, нашедши его, проводить остальное время жизни сообщая с ним. Потому-то душа и поставлена на втором месте в смысле почета.

Всякий может сообразить, что наше тело, по природе, занимает в этом отношении лишь третье место. В свою очередь, надо рассмотреть и разные виды почета: какие из них истинны, какие обманчивы. Это задача законодателя. Мне кажется, он разъяснит этот вопрос приблизительно так: не то тело заслуживает почета, что красиво, сильно, быстро, велико, здорово, хотя многие и держатся такого мнения; равным образом и не то тело, которое обладает противоположными качествами. Несравненно более надежными и ведущими к здравомыслию являются качества, занимающие средину между этими двумя состояниями. Ибо первое делает души изнеженными и дерзкими, второе—низкими и неблагородными. Это же соотношение распространяется и на приобретение имуществ и владений, равно как и на имущественный ценз. Избыток всего этого порождает неприязнь и раздоры как в государственной, так и в частной жизни, недостаток же, по большей части,—рабскую подчиненность. Пусть также никто не будет корыстолюбив ради детей, чтобы оставить им возможно больше богатства. Это нехорошо и для них, и для государства. Для молодых людей всего лучше

и сообразнее такое имущественное состояние, где обеспечивалось бы необходимое и не было бы повода к лести; оно сделало бы жизнь беспечальной, так как согласовалось бы с нами и гармонировало бы со всем. Не золото надо завещать детям, а наибольшую совесть. Мы думаем, будто своими вразумлениями внушим ее молодым людям, поступающим бесстыдно. Но это достигается не нынешними советами, словесно советуемыми юношам во всем сохранять стыдливость. Разумный законодатель скорее посоветует старшим стыдиться младших и всего более остерегаться, как бы кто из молодых людей не увидел и не услышал с их стороны какого-нибудь скверного поступка или слова; ибо юноши неизбежно будут в высшей степени бессовестными там, где бесстыдны даже старики.

Наилучшее воспитание молодых людей, да и самих себя, заключается не во внушениях, а в явном осуществлении в своей жизни внушаемых другому принципов. Кто почитает и уважает родственников и всех тех, что вследствие кровной общности чтут одних и тех же родовых богов, тот с полным правом может рассчитывать на милость семейных богов к его собственному семени, детям. Чтобы приобрести расположение друзей и приятелей при житейских сношениях с ними, следует оценивать их услуги, оказываемые нам, выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели. По отношению к государству и гражданам бесспорно наилучшим является тот, кто победам на Олимпийских играх и на всех военных или мирных состязаниях предпочтет славу служения законам своей страны, как человек, осуществивший в своей жизни лучше всех людей служение законам.

С другой стороны, в высокой степени священными должно считать обязательства по отношению к гостям-чужестранцам. Ибо почти все, что касается чужестранцев и преступлений против них, подлежит божьему отмщению, даже в большей степени, чем проступки против сограждан. Ведь чужестранец, не имеющий друзей и родичей, внушает более жалости и людям, и богам. Могущий отомстить тем охотнее вступает за них. В особенности это может сделать имеющийся у каждого гостеприимный демон и бог; они следуют за Зевсом Гостеприимным⁸⁸. Вот

почему всякий, у кого есть хоть немного предусмотрительности, должен чрезвычайно остерегаться, как бы не совершить никакого проступка против чужестранцев, и так пройти до конца всю свою жизнь. Из проступков против чужестранцев и земляков постоянно величайшими являются те, что совершены против умоляющих⁸⁹. Ибо тот бог, кого умоляющий призвал в свидетели обязательств, становится его преимущественным стражем, так что пострадавший никогда не останется неотмщенным.

3

Мы приблизительно разобрали вопрос об отношениях к родителям, самому себе, своему имуществу, государству, друзьям, родичам, чужестранцам и землякам. Вслед за этим надо рассмотреть, какие качества дают человеку возможность наилучшим образом провести свою жизнь. Уже не закон, а похвала и порицание должны здесь воспитывать людей и делать, их главное, легко обуздываемыми и подчиняющимися тем законам, что будут установлены. Вот о чем нам придется после этого говорить.

Во главе всех благ как для богов, так и для людей, стоит правда. Кто хочет быть счастливым и блаженным, тот с самого начала должен быть причастен ей, чтобы правдиво прожить возможно долгое время. Такой человек внушает доверие; не внушает его тот, кому мила добровольная ложь; кому же мила невольная ложь, тот безрассуден. Ни то, ни другое, однако, не заслуживает зависти. Ведь не мил всякий невежда, не внушающий доверия; его распознают по прошествии некоторого времени, и он сам себе подготавливает одиночество к тяжелой старости в конце жизни. Сиротливой станет ему жизнь, все равно, живы ли его друзья и дети, или нет.

Кто не совершает несправедливости—почтенен; но более, чем вдвое, достоин почета тот, кто и другим не позволяет совершать несправедливостей. Ибо первый равноценен одному, второй же многим, так как он извещает правителей о несправедливости остальных людей. А кто помогает по мере сил правителям в осуществлении наказаний, тот человек совершенный и великий в государстве; о нем должно возвестить, как о победителе в добродетели.

Точно такую же похвалу нужно высказать относительно
Е здравомыслия, разумности и остальных благ, если обладающий
ими может не только их иметь, но и передать другим. Пере-
дающий заслуживает высочайшего почета; на втором месте
стоит тот, кто, хотя и не может передать, но желал бы сде-
лать это. Порицания заслуживает завистник, добровольно не
731 сообщающий никому посредством дружбы каких-либо благ;
однако, не следует бесчестить само достояние из-за его обла-
дателя; наоборот, надо изо всех сил постараться приобрести
это достояние. Пусть каждый из нас без зависти соревнует
о добродетели. Поступающий так способствует росту государ-
ства, состязаясь сам и не препятствуя остальным клеветой.
Завистник думает выдвинуться, клеветца на остальных, а сам
не очень-то стремится к истинной добродетели. Несправедли-
вым порицанием подрывает он дух своих соперников и, таким
В образом, не дает государству возможности развивать состяза-
ния в добродетели; завистник, насколько это его касается,
уменьшает добрую славу своего государства. Но всякий должен
уметь сочетать горячность с величайшей кротостью. Есть только
одно средство избежать тяжких трудно исцелимых, даже вовсе
неисцелимых, несправедливостей со стороны остальных людей:
это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно их
карать. Никакая душа не может этого совершить без благо-
родной горячности. Что же касается тех, кто совершает не-
справедливые, но исцелимые поступки, то, прежде всего, надо
С знать, что всякий несправедливый человек бывает неспра-
ведливым не по доброй воле. Ибо никто, никогда и нигде не
приобретал добровольно ни одного из величайших зол, и всего
менее в той области, что для него всего ценнее. Душа же,
как мы сказали, есть самое ценное для всех. Так что никто да
не воспримет добровольно величайшего зла тою своею частью,
которая ему всего ценнее, и да не проводит всей жизни
с таким достоянием. Заслуживает всяческого сожаления чело-
век несправедливый и обладающий злом. Уместно сожалеть
D лишь о человеке исцелимом; но надо укрощать поднимающуюся
горячность и не поступать, под влиянием огорчения, несдер-
жанно, как женщины. По отношению к человеку, не поддаю-
щемуся вразумениям, безусловно скверному и злему, надо дать

место своему гневу. Вот почему мы сказали, что хорошему человеку надлежит обладать в каждом отдельном случае горячностью и кротостью.

4

В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. Это зло заключается вот в чем: говорят, что всякий человек, по природе, любит самого себя и что правильно ему быть таким. Но, поистине, в каждом отдельном случае виновником всех погрешностей каждого человека именно и является его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо, прекрасно; он склонен ценить то, что ему присуще, предпочтительно пред истиной. Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую или им самим или кем другим.

Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, так сказать, ничего. Мы не поручаем другим делать то, чего не умеем сами, пытаемся сами делать и неизбежно ошибаемся. Вот почему каждый человек должен избегать чрезмерного себялюбия, искать тех, кто лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя.

Часто высказываются положения не столь значительные, как эти, однако не менее полезные; все же надо их напомнить и поговорить о них. Ведь, как в реке вода постоянно утекает и притекает, так и припоминание есть наплыв убывающей разумности. Так вот: следует удерживаться от излишнего смеха и слез; надо советовать друг другу скрывать всякую чрезмерную радость и чрезмерное страдание и пытаться сохранять благообразие; при благополучии же или при неудаче каждого из нас стоит демон; некоторым делам демоны противостоят, как чему-то надменно высокому. Хорошие люди должны всегда надеяться, что бог уменьшит трудности, выпадающие на долю

каждого, изменит к лучшему нынешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные, противоположные этому, блага. Каждый должен жить в такой надежде и помнить обо всем этом; надо, не скупясь, явственно напоминать об этом и самому себе, и другим, как в играх, так и при серьезных занятиях.

5

- Е Итак, о том, какой образ жизни нужно вести и каким должен быть каждый из нас, уже приблизительно сказано. Но это положения скорее божественные, человеческих же мы еще не высказали, а, между тем, следовало бы. Ведь мы обращаемся к людям, а не к богам. Преимущественно человеческим по природе являются: наслаждение, скорби и страсти. Всякое смертное существо неизбежно им подвержено и в высшей степени 733 зависит от них. Поэтому должно хвалить прекраснейшую жизнь не только за то, что она может своим внешним видом стяжать добрую славу, но и за то, что она может доставить на всю жизнь то, к чему мы все стремимся, именно: испытывать больше радости и меньше скорби, если только мы захотим ее вкушать и не удалимся в юности от нее. Очень легко выяснить, кто правильно вкушает ее. В чем состоит эта правильность? Это уже надо обсудить в соответствии с общими принципами разума, в связи с вопросом об естественности или же противоестественности того или иного образа жизни. Поэтому должно сравнить приятную жизнь с неприятной. Мы желаем наслаждения, но не скорби: ее-то мы не изберем себе.
- В Промежуточное же состояние мы не предпочтем наслаждению, но скорбь охотно сменим на него. Меньшая скорбь, сопряженная с большим наслаждением, для нас желанна; меньшее же наслаждение, сопряженное с большей скорбью, нежеланно. Если же они соединены в равном соотношении, нелегко выяснить, желанны ли они для нас.

- Во всем этом — так же, как и в противоположном по отношению к нашему желанию — количество, величина, сила и равенство далеко не безразличны в смысле выбора. Это все неизбежно устроено именно так. Значит, мы предпочтем такую
- С

жизнь, в которой в больших количествах и в сильной степени присутствуют и наслаждение, и скорбь, но наслаждения превышают. Обратного мы не предпочтем. Так же точно мы не захотим такой жизни, где и то, и другое незначительно, невелико и покойно, но скорбь превышает; где же дело обстоит как раз наоборот,—пожелаем. А где наблюдается равновесие, такую жизнь надо считать уравновешенной, как мы и заметили выше⁹⁰. Но мы желаем себе только такой жизни, где превышает то, что нам мило, а не то, что нам противно.

Следует заметить, что вся наша жизнь от природы заключена в эти пределы, и надо обратить внимание, какой именно жизни мы от природы желаем. Если же мы станем утверждать, что желаем чего-либо вопреки этому, такие наши слова будут следствием лишь неопытности и незнания действительной жизни.

6

Сколько есть таких родов жизни, что желанны для нас и могут быть добровольно приняты⁹¹, как закон для каждого из нас, а вместе с тем приятных, милых, наилучших и прекраснейших, так чтобы жить наисчастливейшим образом, насколько это возможно людям? Мы можем указать на следующие виды: 1) здравомысленная жизнь, 2) разумная, 3) мужественная, 4) здоровая. Этим четырем видам противоположны четыре других: 1) безрассудная жизнь, 2) трусливая, 3) несдержанная, 4) болезнетворная. Кто знаком с здравомысленной жизнью, согласится, что она кротка во всем: ее скорби спокойны; наслаждения также спокойны; она не доставляет ни расслабляющих страстей, ни неистовых вожделений. Наоборот, несдержанная жизнь резка во всем: ее скорби сильны; сильны и наслаждения; она приносит напряженные бешеные страсти и самые неистовые, какие только могут быть, вожделения. В здравомысленной жизни наслаждения превышают тягости, в несдержанной скорби превышают наслаждения как величиной, так и количеством и напряженностью. Поэтому первый род жизни для нас более приятен, а второй, естественно, становится неизбежно более скорбным. Для желающего жить

приятно становится уже невозможным по доброй воле жить невоздержанно. Отсюда ясно, что всякий бывает несдержанным против своей воли; это необходимо, если только правильно то, что мы сейчас установили.

Жизнь всякой людской толпы лишена здравомыслия, либо вследствие невежества, либо в виду отсутствия самообладания, либо по обеим этим причинам. То же самое надо заметить и о болезнетворной или о здоровой жизни; и в той, и в другой есть наслаждения и скорби, но в здоровье наслаждения превышают скорби, а в болезнях скорби превышают наслаждения. Мы же не захотим избрать такой род жизни, где превышает скорбь; где скорбей меньше, тот род жизни мы считаем более приятным. В отношении наслаждений здравомысленная жизнь превышает несдержанную, разумная—безрассудную, мужественная—трусливую, хотя наслаждений и скорбей в ней меньше, они незначительнее и реже. Обратно: в смысле скорбей она уступает им. Так-то мужественная жизнь берет верх над трусливой, разумная над безрассудной. Поэтому первый род жизни приятнее второго, т. е. здравомысленная, мужественная, разумная и здоровая жизнь приятнее трусливой, безрассудной, невоздержанной и нездоровой. Словом, жизнь, причастная добродетели, душевной ли или телесной, приятнее жизни, причастной пороку. С избытком превосходит она ее как в прочих отношениях, так и в смысле красоты, правильности, добродетели и доброй славы. Ее обладателя заставляет она жить решительно во всех отношениях счастливее, чем живет тот, кто лишен ее.

7

Этими положениями можно закончить наше вступление к законам. За вступлением необходимо должен следовать закон или, вернее, очерк законов государства. В тканях или в каком-либо плетении нельзя делать навой и основу из одного и того же материала: ведь основа неизбежно должна отличаться добротностью, обладать силою и известной крепостью; навой же может быть слабее, и к нему относятся со справедливым снижением. Точно так же надо известным образом различать

будущих правителей в государствах от тех, кто на этом же основании иной раз может получать лишь незначительное воспитание. Есть два вида государственного устройства: один, где над всем стоят правители, другой—где и правителям предписаны законы.

Но предварительно надо обратить внимание вот на что: всякий пастух, волопас, коннозаводчик и так далее не иначе возьмется когда-нибудь за дело, как очистив известным подбором свое стадо, т. е. он отделит здоровых от нездоровых, породистых от непородистых; этих последних он отошлет в какие-нибудь другие стада и лишь тогда займется уходом за первыми. Он понимает, что иначе тщетным и напрасным был бы труд по отношению как к телу, так и к душе, если не произвести такой чистки. Иначе природная испорченность и скверное воспитание погубят в его достоянии также и ту породу, что обладает здоровыми и чистыми нравами. Впрочем, что касается остальных живых существ, то здесь забот меньше; они достойны быть приведенными в этом рассуждении лишь ради примера. Но люди заслуживают величайшей заботливости. Поэтому законодатель должен разыскивать и обдумывать, что кому надлежит в смысле очищения и всех остальных действий.

Относительно очищений государства дело обстоит так: полных очищений существует немало; одни из них легче, другие более тягостны. Тяжкие и наилучшие мог бы установить лишь тот, кто одновременно является и тиранном и законодателем. Законодатель же, лишенный тираннической власти, должен довольствоваться, при установлении нового государственного строя и законов, хотя бы самыми нежными способами очищений. Наилучший способ мучителен, совершенно так же, как это бывает в подобного рода лекарствах. При этом способе правосудие влечет за собою справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более нежный способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут, из-за недостатка воспитания, склонность выступить против имущих, это явится болезнью, вкравшейся в государство. Поэтому их надо выслать прочь,

делая это, однако, в высшей степени дружелюбно, смягчая их удаление названием „переселение“⁹². Так или иначе, это надлежит сделать всякому законодателю в самом начале. Но в данном случае мы-то оказываемся еще в более трудном⁹³ положении, ибо мы в настоящее время не должны прибегать к переселению или к какому-либо отбору путем очищения. Так, когда много ручьев и потоков сливаются вместе в озере, необходимо обращать внимание и следить, чтобы сливающаяся вода была как можно чище, а для этого надо то вычерпывать, то отводить воду, устраивая каналы. Стало быть, и всякое устройство государства сопряжено, как водится, с трудом и опасностью. Впрочем, сейчас мы занимаемся этим лишь словесно, а не на самом деле. Поэтому предположим, что наши граждане уже собраны и что уже произведено разумное очищение их. Мы не позволили плохим людям, пытавшимся сделаться гражданами нашего государства, осуществить свое намерение, ибо мы вполне их распознали в течение достаточного промежутка времени путем всяческих убедительных испытаний; наоборот, хороших людей мы привлекли, обходясь с ними по мере сил дружелюбно и милостиво.

8

Пусть не укроется от нас одно счастливое у нас обстоятельство, благоприятствовавшее, как мы указали также и Гераклидам⁹⁴ при их переселении, именно: отсутствие страшного и опасного спора за передел земли и сложение долгов. Если в государстве встретится надобность в таком законодательстве, невозможно так или иначе не поколебать⁹⁵ определенных древних установлений, с другой же стороны, никак нельзя их и поколебать. Остается только одно, так сказать, пожелание: для тех, кто лишь мало-по-малу переходит от одного к другому, только и возможен осмотрительный и незаметный переход—да и то в течение долгого времени—следующим образом: поколебать это могли бы люди, обладающие в изобилии землей, если бы они пожелали отнестись со снисхождением ко многочисленным своим должникам, видя их нужду; если бы они согласились часть долгов простить, часть же своего имущества

поделить; если бы они так или иначе держались умеренности, Е то они, таким образом, уверились бы, что бедность заключается не в уменьшении своего имущества, а в увеличении ненасытности. Это было бы величайшим началом спасения государства; на этом, как на надежном основании, можно затем воздвигать государственное благоустройство, подобающее такому положению дел. Напротив, когда этот переход болезнен, 737 последующее политическое положение никоим образом не будет благоприятным для государства. Впрочем, как сказано, мы-то этого избежали, или, правильнее сказать, если и не избежали, то все-таки знаем средство, как избежать. Это средство заключается в том, чтобы не искать несправедливого обогащения ⁹⁶. Нет никакого другого пути, ни широкого, ни узкого, чтобы избегнуть этой беды. Да будет это ныне как бы краеугольным камнем ⁹⁷ нашего государства.

Так или иначе надо устроить, чтобы граждане в отношении имущества не имели повода жаловаться друг на друга; В ибо нельзя, при наличии подобных старинных взаимных жалоб, двигаться вперед в прочем государственном устройении; это ясно всем, у кого есть хоть немного разума. Где же, как ныне нам, бог даровал возможность основать новое государство, там не может быть никакой взаимной вражды. Если бы и здесь возникла вражда друг к другу на почве раздела земли и жилищ, то виной здесь было бы уже нечеловеческое невежество, соединенное со всякой испорченностью.

Каким же способом можно произвести правильное распределение? С Прежде всего надо установить численный об'ем, иными словами, сколько будет у нас граждан. Затем, надо решить: на сколько частей мы их поделим и как велика будет каждая часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее равномерному распределению земли и жилищ. Какое количество граждан будет достаточно, можно определить не иначе, как сообразуясь с почвой и с близлежащими государствами. D Земли надо столько, чтобы она была в состоянии прокормить данное число людей, при условии их здравомыслия, но ничуть не более. Граждан же надо столько, чтобы они, без особых затруднений, могли отражать нападения окрестных жителей и помогать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность,

и соседей, мы определим все это не только на словах, но и на самом деле. Пока же это лишь очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к законодательству.

- Е Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. Это число подходящее; земледельцы уже смогут отразить врага от своих наделов. На столько же частей будут разделены земля и жилища; человек и участок, полученный им по жребию, составят сонадел. Это число можно, прежде всего, разделить на две части, затем на три⁹⁸. По своей природе оно делится последовательно и на четыре, и на пять, до десяти. Что касается
- 738 чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет хотя бы в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее для всяких государств. Мы признаём наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей. Конечно, всякое число имеет своих делителей; число же пять тысяч сорок имеет не более пятидесяти
- В девяти делителей, последовательных же—от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений.

9

Это-то вот и надо основательно усвоить на досуге тем, кому это предписывает закон. Дело обстоит именно так; вот почему и надо указать на это устройтелю государства.

- С создается ли с самого начала новое государство, или переустраивается извратившееся старое, все равно, никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святынь: какие именно каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве; именем каких богов или демонов будут они называться,—во всем этом надо следовать Дельфам,
- С Додоне, Аммону⁹⁹ или же убедительным древним сказаниям о происшедших знамениях и божественных внушениях. Люди, веря в это, устанавливали жертвоприношения, соединенные с таинствами, либо местные, либо Тирренские или Кипрские, или же заимствованные еще откуда-нибудь¹⁰⁰. На основании этих сказаний освящали божеские откровения, статуи, алтари и храмы, отводили каждому из богов священные участки. Из всего этого

законодателю нельзя колебать ничего, даже самого малого, но должно каждой части граждан дать особого бога, демона или героя. При разделе земли надо, прежде всего, отвести отборный священный участок со всем, что подобает; там, в установленные сроки должны собираться сходы каждой из частей граждан, дабы облегчать нужды каждого из них, доброжелательствовать и привыкать друг к другу при жертвоприношениях и взаимно знакомиться. Для государства нет более великого блага, как взаимное ознакомление граждан. Где в взаимных отношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достигнуть заслуженного почета, власти и подобающих прав. Каждый по-одиночке человек в любом государстве должен стараться быть всегда простым, правдивым, нефальшивым и остерегаться, будучи таковым, обмана со стороны других людей.

Дальнейший ход—точно в игре решительный удар¹⁰¹—рассуждения о законодательстве сначала, пожалуй, удивит слушателя: так он необычен. Однако, когда слушатель поразмыслит и понаблюдает, он согласится, что наш проект занимает лишь второе место по сравнению с наилучшим государственным строем. Вероятно, его не примут, ибо необычен законодатель, не обладающий тираннической властью. Всего правильнее изложить проект наилучшего государственного строя, затем второго по достоинству и третьего; а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе общежития. По этому же принципу поступим и мы сейчас, указав на первый по достоинству проект, затем на второй и третий. А выбор мы сейчас предоставим Клинию, вообще же, всякому желающему, когда бы то ни было, дабы он мог избрать по своей склонности то, что подходит для его родины.

10

Наилучшим является государство, его устройство и законы, в первом проекте. Здесь во всем государстве в высшей степени соблюдается древнее изречение, гласящее, что у друзей, действительно, все общее¹⁰². Есть ли в наше время это где-либо и будет ли когда, т. е., чтобы общими были жены,

общими—дети, общим—все имущество, чтобы вся, так называемая, частная собственность всяческими средствами была устранена повсюду из жизни, чтобы придумывались, по мере возможности, средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, как-то глаза, уши, руки, так чтобы казалось, что все сообща видят, слышат, действуют; все восхваляют или же порицают одно и то же; по одним и тем же причинам все радуются или огорчаются, а законы, по мере сил, как можно более объединяют государство—выше этого, в смысле добродетели, никто никогда не сможет установить ни лучшего, ни более правильного предела. Подобное государство, если и образуют его где боги, или сыновья богов—в количестве больше одного—есть обитель радостной жизни. При его наличии нет надобности взирать на другой образец государственного устройства, но достаточно возможно более стремиться к нему. Тот проект государства, который мы теперь попытались изобразить, также очень близок к бессмертию, но занимает лишь второе место. Вслед за этим мы изложим, если будет на то божья воля, и третий проект. Сейчас мы посмотрим, в чем заключается этот наш проект и как он может осуществиться.

Прежде всего пусть граждане разделят землю и жилища; общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение, по своему воспитанию и образованию, не доросло до этого. Однако, раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый, получивший по жребию надел, должен считать свой надел общей собственностью всего государства. Более, чем дети о матери, должны граждане заботиться о родимой земле: ведь она богиня—владычица смертных созданий. Так же надо мыслить и о местных богах и о демонах. А чтобы такое положение вещей осталось навеки, надо дополнительно заметить, что установленная нами численность очагов должна быть всегда одинаковой, т. е. не увеличиваться и не уменьшаться. Прочности этого во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, который и будет его преемником, почитателем богов, рода, государства и граждан, живущих или уже закончивших тогда свой век. А из остальных детей—если у кого их не один, а несколько—

девочек пристраивают согласно закону, который будет установлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным благорасположением. Если же этого благорасположения нет, а потомство мужского или женского пола многочисленно,—равно как и обратно, т. е. при недостатке деторождения,—то всем этим ведает правительственная должность, которую мы установим, как величайшую и почетнейшую. Она будет наблюдать, как должно поступить в том или ином случае и изыскивать средство, чтобы общее количество граждан всегда равнялось только пяти тысячам сорока.

Средств таких много, например: воздержание от деторождения для тех, у кого обширное потомство, или, наоборот, попечение и заботы о многочисленном потомстве. Старшие могут пойти навстречу и осуществить наши слова путем увещаний, увещательных речей к молодежи, путем оказания почета или бесчестия. Наконец, если уже будет крайне трудно сохранить число пять тысяч сорок семей, в виду чрезмерного у нас наплыва граждан вследствие взаимной любви жителей, то, чтобы выйти из этого затруднения, у нас имеется давнее средство, о чем мы не раз упоминали, именно: устройство достаточного количества колоний. Это средство носит вполне миролюбивый характер; поэтому оно кажется вполне пригодным. Если же иной раз нахлынет обратная волна, несущая море болезней и гибельные войны, так что граждане осиротеют и их станет гораздо меньше установленного числа, то все же нельзя включать в число граждан всех желающих, ибо они воспитаны ложным образом. Но, по пословице, даже бог не может противиться необходимости.

11

Только-что указанное может быть высказано и в виде такого совета: Лучшие из всех людей, вы, сообразно с природой, почитаете подобие, равенство, тожество и согласие; так не упускайте же и всяческой возможности прекрасных и добрых деяний, заключающейся в вашей численности. Поэтому, прежде всего, сохраняйте, на протяжении всей жизни, устано-

вленную численность; затем сохраняйте величину и размеры вашего имущественного надела. Не бесчестите ваш первоначальный соразмерный надел куплей или продажей между собой, ибо не будет вам в этом союзником ни бог, ни законодатель.

Здесь впервые устанавливается закон для ослушников, предупреждающий, что лишь при этих условиях желающий может получить надел, но не иначе: во-первых, земля посвящена всем богам; затем, при первом, втором и третьем жертвоприношении жрецы и жрицы будут совершать молитвы о том, чтобы купившего или продавшего жилища или землю, полученные им по жребию, постигла достойная за это кара. Написав это на кипарисовых таблицах, пусть возложат их в святилищах, дабы это служило напоминанием на будущее время. Кроме того, за исполнением всего этого будет поручено следить самому зоркому из органов власти, так чтобы не укрылись происходящие иной раз нарушения, но чтобы ослушники наказывались с помощью законов и бога. Насколько это установление, при его надлежащем проведении, оказывается благим для государств, его выполняющих, этого, по старинной пословице, никогда не узнает ни один дурной человек, но только тот, кто обладает опытом и подобающими навыками. Наживе вовсе нет места при подобном устройстве, а отсюда следует, что никто не должен—впрочем, и не может—наживаться неблагородным способом; поскольку это зазорное, так называемое, ремесло извращает благородные нравы, нельзя даже вовсе и желать подобного обогащения.

12

742 К этому же относится и следующий закон: никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром. Однако, для повседневного обмена должна быть монета, в виду того, что обмен почти неизбежен для ремесленников и для всех тех, кому надо выплачивать жалованье, как-то: наемникам, рабам и пришельцам. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь для туземцев, а для остальных людей она не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой будет обладать лишь государство для оплаты военных походов,

путешествий в иные государства, как, например, посольств или— если будет государству нужно—каких-либо иных глашатайств. B Словом, если придется кого-нибудь послать, то государству необходимо для этой цели обладать иной раз и обще-эллинской монетой. Если частному лицу встретится надобность выехать за границу, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой, оно должно сдать имеющиеся у него иностранные деньги государству, получив взамен, по расчету, местные деньги. Если обнаружится, что кто-либо присвоил иностранные деньги, они подлежат конфискации; знавший же об этом и не сообщивший подвергается, вместе с тем, кто ввез эти деньги, порицанию и проклятию, а также и пене C в размере не менее количества ввезенных иностранных денег. При женитьбе или замужестве совершенно не разрешается давать или брать какое бы то ни было приданое; далее, нельзя давать в долг денег тому, кто не внушает доверия; нельзя отдавать деньги под проценты; в этих случаях позволяется все не возвращать должнику ни процентов, ни капитала.

Судить о высоких качествах этих установлений правильнее всего, обращая всякий раз к нашему исходному положению и намерению. Мы утверждаем, что намерения разумного государственного человека вовсе не таковы, какими их себе рисует толпа, т. е. будто хороший законодатель должен желать видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно более богатым, обладающим золотыми и серебряными рудниками, владычествуящим над большинством государств и на море, и на суше. Надо было бы прибавить: надлежащий законодатель должен желать видеть свое государство наилучшим и счастливейшим. Это отчасти исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполнимо; желать же неисполнимо было бы тщетно; тут напрасны и попытки. Например, чтобы граждане стали добрыми, а вместе с тем неизбежно и счастливыми, этого устроитель пожелал бы; стать же очень богатым, оставаясь добрым, невозможно—по крайней мере, богатым в том смысле, как это понимает толпа. Ведь богатыми называют тех немногих людей, что приобрели имущество, оцениваемое огромной денежной суммой, хотя бы E сам владелец был плохим человеком. Если это и в самом деле 743

так, то я лично никогда не соглашусь с толпой, будто богатый может стать поистине счастливым, не будучи хорошим. Быть же одновременно и чрезвычайно хорошим, и чрезвычайно богатым невозможно.—Почему же?—спросит, быть может, кто-нибудь.—Потому,—ответил бы я,—что приобретения и честным, и бесчестным путем вдвое легче, чем одним только честным. Издержки же тех, кто не желает тратиться ни на прекрасное, ни на позорное, вдвое меньше издержек прекрасных людей на прекрасные нужды. В виду этих двойных доходов и половинных расходов, разве разбогатеет тот, кто поступает как раз обратно? Из этих двух людей один хорош, другой не плох, если он бережлив, но нередко и вовсе плох, только уже, во всяком случае, не хорош, как это мы сейчас и высказали. Добывающий средства и честным, и бесчестным путем, но не расходующий их ни честно, ни нечестно бывает богат, если он и бережлив. Человек же вовсе плохой бывает, по большей части, расточителен, а потому и очень беден. Тот же, кто расходует на прекрасные дела, а приобретает средства лишь одним честным путем, вряд ли станет особенно богатым, но, с другой стороны, он не сделается и очень бедным.

Следовательно, наше утверждение, что нет хороших и, вместе с тем, очень богатых людей, правильно. А кто не хорош, тот и не счастлив.

13

Наш проект законов имел целью сделать людей как можно более счастливыми и дружелюбными между собой. Но разве будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб, много несправедливостей? Нет, только там они будут дружелюбными, где несправедливостей всего меньше и где они незначительны. Поэтому мы и говорим, что в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесл и процентов, ни чрезмерного скотоводства. В нашем государстве должны быть только доходы, доставляемые земледелием; да и из них лишь такие, приобретение которых не требует пренебрегать тем, для чего и нужно имущество. Таким являются душа и тело, но они, лишенные упражнения и остального воспитания, не заслуживали бы внимания.

Поэтому-то мы и высказывались неоднократно, что имущество заслуживает всего меньше почета. Из тех трех вещей, о которых заботится каждый человек, забота об имуществе, по справедливости, занимает лишь третье, т. е. последнее место, забота о теле—среднее, на первом же месте стоит забота о душе. И тот государственный строй, который мы сейчас разбираем, окажется правильно учрежденным, если в нем степени почета будут установлены именно так. Если же какой-либо из установленных там законов ставит в государстве здоровье выше здравомыслия, в смысле почета, а богатство выше и здоровья, и здравомыслия, то это будет служить признаком, что этот закон установлен неправильно. Вот почему законодатель должен часто задавать себе вопрос: К чему собственно я стремлюсь? Достигну ли я этого, или же потерплю неудачу в достижении своей цели? Таким образом он, пожалуй, скорее выполнит свое законодательство и избавит от него других; никакого другого способа нет.

Итак, мы утверждаем, что получивший по жребию надел, должен владеть им на указанных условиях. Было бы прекрасно, если бы каждый, вступающий в эту колонию, обладал и всем остальным имуществом в равном размере со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая большим имуществом, другой—меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам, для удобных равных взаимоотношений внутри государства надо установить неравный имущественный ценз. Стало быть, правительственные должности, подати, разделения на классы и подобающий каждому почет устанавливаются не только по личной доблести или доблести предков, не по силе и красоте тела, но и по имущественному достатку или нужде. Правительственные должности и почести распределяются в высшей степени равномерно, сообразно этому имущественному неравенству. В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе¹⁰³). Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подходящий для каждого из них класс.

Кроме того, я установил бы, как вытекающий из предыдущего, и следующий вид закона: ведь мы утверждаем, что в государстве, непричастном к величайшей болезни, более правиль-

Е ным названием которой было бы междоусобие или восстание, не должно быть ни тяжкой бедности среди некоторых граждан, ни, в свою очередь, богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга. Вот теперь и надо законодателю установить пределы бедности и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела, который должен оставаться у каждого; всякий правитель не должен здесь ни у кого допускать уменьшения, равно как и каждый другой гражданин, ревнующий о добродетели. Приняв это за меру, законодатель допускает приобретение имущества по цене большего в два, три, четыре раза; если же кто приобретет свыше этого, нашедши или получив откуда-нибудь в подарок, или наживши, словом, если, благодаря 745 какому-нибудь подобного рода случаю, у него окажется имущество, превышающее меру, он должен отдать избыток государству и его покровителям богам; сделав это, он обретет добрую славу и будет безнаказан. Ослушника этого закона может выдать всякий желающий и за это получит половину суммы; виновный должен будет заплатить еще такую же сумму из своего владения, другую же половину отдать в пользу богов.

В Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично записано у тех, кому это предписывает закон, т. е. у правителей-стражей, так чтобы все тяжбы, касающиеся имущества, стали бы легкими и вполне ясными.

14

Затем, что касается прежде всего местоположения нашего города, то оно должно быть, по возможности, центральным в стране. Надо выбрать местность, представляющую все удобства для города. Сообразить это и высказать совсем нетрудно. После этого надо разбить страну на двенадцать частей. Прежде всего надо установить святилище Гестии, Зевса и Афины, назвать его акрополем, и окружить стеной; начиная отсюда, делат 745 на двенадцать частей и самый город, и всю страну. Эти двенадцать частей должны быть равными; поэтому те участки, где почва хороша, будут меньше, а где плоха—больше. Наделов всех устанавливается пять тысяч сорок. Каждый из них опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний;

из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо соединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу, с таким, который не на самом краю, и так далее. При этом разделении на две части надо обращать внимание, как мы сейчас указали, на плохое или хорошее качество почвы, соответственно увеличивая или уменьшая участки.

Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для этого надо произвести учет их имущества, а затем поделить его на двенадцать, по возможности, равных частей. Вслед за тем для этих двенадцати разделов надо установить двенадцать богов, каждую полученную по жребию часть надо назвать именем бога и посвятить тому или иному богу. Эта часть будет носить название филы. В свою очередь, и город надо разделить на двенадцать частей, точно так же как разделена остальная страна. Каждому гражданину следует отвести два жилища: одно близь центра, другое на окраине. Этим можно закончить вопрос о поселении.

15

Но мы должны всячески иметь в виду еще вот что: все, сейчас указанное, вряд ли когда-нибудь встретит удобный случай для осуществления, так чтобы все случилось согласно нашим словам. Вряд ли найдутся люди, которые были бы довольны таким устройством общества, которые в течение всей жизни соблюдали бы установленную умеренность в имуществе и рождении детей, о чем мы уже говорили раньше; которые не обладали бы золотом и всем тем, что будет запрещено законодателем. А что такие запрещения будут, это ясно из всего вышесказанного.

К тому же это срединное положение страны и города, это кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о сновидении, точно лепка из воска государства и граждан!

В известном отношении это сказано не худо; но надо самим себе повторить еще следующее. Снова обратится к нам законодатель с такими словами: Друзья мои, не думайте, будто от меня укрылась истинность, в некотором смысле, этих воз-

ражаний. Но я держусь того мнения, что в каждом проекте наиболее справедливого устройства общества нельзя опускать ничего из наиболее прекрасного и истинного; это будет служить образцом, к которому мы должны стремиться; если там встретится что-либо неосуществимое, то, конечно, его придется избегать и не совершать. Но в остальном надо стараться осуществить то, что ближе всего к надлежащему, что по природе всего более ему сродни. Стало быть, надо предоставить законодателю возможность довести до конца все свои пожелания. Но затем надо вместе с ним рассмотреть, что из сказанного законодателем полезно, а что слишком круто для законодательства. Ведь даже самый неважный ремесленник, намереваясь произвести что-либо заслуживающее упоминания, должен постоянно согласовывать свои действия.

16

Теперь нужно внимательно рассмотреть, какие подразделения имеет это, решенное нами ¹⁰⁴, разделение на двенадцать частей. Ведь внутри этих двенадцати частей есть много подразделений, вытекающих, как естественное следствие; так мы дойдем и до числа пять тысяч сорок. Этими подразделениями будут: фратрии, демы, комы ¹⁰⁵, военные отряды и маршевые роты; кроме того: монета, меры веса, меры жидких и сухих тел. Закон должен установить соразмерность и взаимную согласованность всего этого.

При этом не надо бояться упрека в мнимой мелочности, когда устанавливаешь даже количество обиходной утвари. Следуя общему принципу, надо полагать числовое разделение полезным для всего, равно как и разнообразие численных отношений, безразлично, касается ли это отвлеченных чисел, или же обозначающих длину, глубину, звуки, движение, прямое, вверх и вниз, или же круговое. Законодатель должен иметь все это в виду и предписать всем гражданам, по мере их сил, не уклоняться от этого установления. Ибо для частного хозяйства, для государства, наконец, для всех искусств ничто так не важно, никакая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей, от природы дремлю-

щих и нелюбознательных, это занятие, при помощи божественного искусства, пробуждает и делает, вопреки их природе, любознательными, памятьливыми и пронизательными. Если при помощи других законов и занятий удастся изгнать неблагородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу эту науку, то все это было бы прекрасным и подходящим воспитательным средством. В противном случае, вместо мудрости, незаметно получится лишь, так называемое, плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикийян и у многих других народов. Они стали такими либо по причине остальных своих неблагородных занятий и стяжаний, либо потому, что у них был неважный законодатель, либо это явилось следствием постигшей их тяжелой доли, либо уже сама их природа такова.

От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно законодательствовать вразрез с природными условиями. Ведь в иных местах разные воздушные течения и жары делают людей странными и неудачливыми; влажность климата, да и самая пища, производимая страной, делает не только тело то лучшим, то худшим, но все это не меньше может влиять и на душу. На земле всех превосходнее те местности, где чувствуется некое дуновение божие: эти места удел демонов, милостивых к исконным жителям. Где этого нет, там все бывает наоборот. Разумный законодатель, обратив на это внимание, насколько то в человеческих силах, попробует именно так и устанавливать законы. Это-то вот и предстоит и тебе сделать, Клиний, ибо прежде всего надо обратить внимание на это, если хочешь заселить страну.

Клиний. Твои слова, афинянин, прекрасны. Я так и поступаю.
